

Владимир Набоков: семейные ценности | Vladimir Nabokov : valeurs familiales

Auteur: Татьяна Пономарева , [Санкт-Петербург](#) , 22.04.2025.

Вера и Владимир Набоковы (Фото из архива В. В. Сикорского)

По традиции нашей редакции 22 апреля, в день рождения Владимира Набокова, мы публикуем эксклюзивный материал, связанный с писателем, чьи слова «Все, что есть у меня, - мой язык» служат нам девизом.

Selon la tradition de notre rédaction, le 22 avril, jour de l'anniversaire de Vladimir Nabokov, nous publions des documents exclusifs sur l'écrivain dont la devise est « Tout ce que j'ai, c'est ma langue ».

Vladimir Nabokov : valeurs familiales

Публикуемое письмо Веры Евсеевны Набоковой, жены писателя, адресовано его сестре, оно – часть книги «Вера Набокова: письма к Елене Сикорской», которая выйдет в петербургском издательстве «Симпозиум» осенью этого года. Письма сохранились в семье Владимира Всеволодовича Сикорского, сына Елены Владимировны, и публикуются с его разрешения.

Владимир Набоков вырос в большой, дружной и любящей семье и сохранил эти ценности и в своей взрослой жизни. Он и его жена Вера, как и многие эмигранты-беженцы из России, не могли позволить себе большую семью, но своего единственного сына Дмитрия растили в любви и нежности. Еще раньше, после гибели отца в Берлине в 1922 году, когда Владимир Набоков остался в семье старшим, он всегда старался по мере своих возможностей помогать матери, младшим братьям и сестрам. В мае 1940 года, за месяц до оккупации Парижа гитлеровской армией, Владимиру Набокову с женой и сыном удалось переехать из Франции в США. Но все его братья и сестры (мать умерла в 1939 году) остались в оккупированной Европе: Сергей – в Париже, Елена и Ольга – в Праге, Кирилл – в Бельгии. До августа 1945 года Набоков ничего не знал об их судьбе – почтовой связи во время войны не было. Только после ее окончания он узнал о гибели брата Сергея в концлагере, тогда же возобновилась его переписка с выжившими родственниками, прежде всего с сестрой Еленой, в замужестве Сикорской, самым духовно близким ему человеком из всей семьи. (Эта переписка была издана в 1985 году под названием «Переписка с сестрой».)

Но еще чаще, чем сам Набоков, занятый одновременно и преподаванием, и писательским трудом, Елене писала его Вера. [Книга о ней «[Вера. Миссис Владимир Набоков](#)» Стейси Шифф была удостоена Пулицеровской премии. – Прим. ред.] Переписка между Верой и Еленой охватывает период с конца 1940-х годов до начала 1970-х. Она началась, когда Елена Владимировна Сикорская, ее муж и сын переехали в 1947 году из Праги в Женеву: родственникам, оставшимся в Чехословакии, Набоков и его жена напрямую из США не писали, опасаясь за их безопасность. Но переписка с Еленой Владимировной, жившей в нейтральной Швейцарии и работавшей рядовым библиотекарем во Дворце Наций, для пражской части семьи – сестры Ольги, ее сына Ростислава и бывшей гувернантки сестер Евгении Константиновны Гофельд – была безопасна, и Елена Владимировна стала связующим звеном для всех Набоковых в рассеянии.

О чем эти письма? О повседневной жизни. Прежде всего, о денежной помощи, которую супруги Набоковы пересылали через Елену в Прагу. На протяжении многих лет Набоков каждый месяц выделял из своей зарплаты определенную сумму для пражских родственников, и для них это часто бывало единственным источником существования. Кроме того, письма – интереснейший источник сведений о жизни Набоковых в Америке, причем не только о жизни семейной. Вера пишет и о Набокове-преподавателе, и о Набокове-писателе. Так, в письме 1955 года, говоря о новом романе, который написал ее муж, она сообщает, что это история «страшного маньяка» и «беззащитной девочки».

Из публикуемого письма очевидно, что в 1949 году Набоковы обсуждали с Еленой возможный переезд из Швейцарии в Америку – в те годы многие ждали новой войны в Европе. При этом об условиях жизни друг друга они, как мы видим из письма, знали мало – Набоковы на тот момент не бывали в Швейцарии (если не считать кратких поездок в детстве), а Сикорские – в Америке. Именно поэтому Вера объясняет Елене, что в Америке едят не только консервы, а живут не только в небоскребах. Но переезд Елены Владимировны не состоялся, она осталась в Женеве, и, когда после долгой разлуки брат с сестрой наконец встретились, это произошло не в США, а в Швейцарии, куда Набоковы впервые приехали в 1959 году, сначала на время, а через два года так остались в Монтре. Елена Владимировна Сикорская прожила долгую жизнь и умерла в Женеве 9 мая 2000 года.

Кирилл, Владимир и Елена Набоковы (Фото из архива В. В. Сикорского)

А вот и письмо, отправленное из города Итака, штат Нью-Йорк, где Набоков читал свои знаменитые лекции по русской литературе в Корнеллском университете. Последний абзац написан Набоковым. Душка – его обычное обращение к сестре. Орфография и пунктуация обоих авторов сохранены.

25.X.1949

Дорогая Елена,

Спасибо за милое интересное письмо. Отвечу раньше на твой главный вопрос: ты напрасно сомневаешься в володиной любви и интересе к тебе. Он очень радуется твоим письмам и всегда искренне собирается ответить сразу, но вся беда в том, что он писатель, что у него страстная потребность писать свое, литературное, а между

тем масса времени уходит на для него скучную университетскую работу, а на писание остается так мало, что он все остальное откладывает и откладывает. Деловых писем он вообще не читает, иногда просматривает, ни о каких деловых решениях не хочет думать, твоим письмам, а также письмам от Е.К. [Елена Константиновна Гофельд, бывшая гувернантка сестер Набоковых, последовавшая за ними в эмиграцию и ставшая со временем членом семьи. – Прим. Т. П.] и от двух-трех близких друзей радуется очень, но отвечать приходится на них мне. Пользуясь тем, что у машинки нет почерка, я часто пишу по делу от его имени, а он подписывает. Иногда мне это бывает очень трудно. Писем он получает множество. Между прочим есть целая папка писем от «фэн»'ов — почитателей — совершенно нам неведомых, а порой и от недовольных. Здесь это очень принято.

Еще хочу сказать, что я пишу плохо и наскоро. Только этим могу объяснить себе, что тебе показалось, что я обиделась на тебя из-за Моргана [Неустановленное лицо – Прим. Т. П.]. Я написала тебе, что В. о нем думает, и каким он нам показался при встрече, потому что думала, что тебе это может быть любопытно. Но на что же я могла тут обидеться?

Мы очень рады, что наконец знаем по каким бумагам вы живете. Насчет переезда в Америку, мы конечно не хотим ничего советовать. В случае войны действительно неизвестно где будет лучше. Но вот насчет жизни, которая вас бы здесь ждала, ты конечно ошибаешься. Консервы мы иногда едим, потому, что это удобно и сокращает работу, но зелень и фрукты едим всегда свежие, как и мясо и рыбу. Вообще здесь все свежие продукты продаются в любой лавке, а консервы кто хочет есть, кто не любит, не покупает. Если бы вы сюда приехали, вам пришлось бы поселиться или в квартире (в Нью Йорке) или же в отдельном домике, вроде того, что у вас сейчас, но вероятно с ванной. Три четверти населения здесь живет в собственных небольших домах. Небоскребов очень мало, и помещения в них безумно дороги и большей части заняты конторами. Домов в 10–15 этажей гораздо больше, но и в них дорого. Вообще квартиры здесь сейчас самое дорогое, потому что от войны остался очень чувствительный жилищный кризис. В окрестностях Нью-Йорка (и Юнайтэд Нэшнсов), в некоторых частях Лонг Айленда, дешевле, и дома там большей частью маленькие, как дачи. Обычно есть при них садик или дворик. Если бы вы здесь поселились, как иммигранты (не как «визиторс», т.е. временно), то муж твой мог бы искать любую работу.

Забавно было читать про Кирилла. [Кирилл Владимирович Набоков (1911-1964), младший брат писателя. Жил в Бельгии. – Прим. Т. П.] Показывал ли он карточку жены? Счастлив ли он в семейной жизни?

В. закончил еще две части воспоминаний. Чтобы проверить некоторые даты, он просит тебя ответить, правильно ли, что ты родилась в 1906 г. Он иногда старается вспомнить отдельные подробности, координировать некоторые воспоминания, и если не может, то оказывается в безнадежном состоянии, т.к. никто-никто уже не может его поправить.

Карточку пришлю, правда пришлю, скоро.

Целую. Поцелуй Жикочку.^[1] [Домашнее имя Владимира Всеволодовича Сикорского (р. 1939 г. – Прим. Т. П.)]

Вера

Деньги: 20 за окт. + 15, кот. набрались у Е.К. за 3 месяца, по пять. На еще одни 5 (окт.) она просила посылку.

Хотелось бы, моя душка, гораздо чаще тебе писать — а уж как хотелось бы повидать, нечего и говорить. Прости, что так поздно посылаются деньги — был трудный месяц. Митюшеньку [Дмитрий Владимирович Набоков (1934-2012), сын Владимира и Веры Набоковых – Прим. Т. П.]. мы отвезли за 600 килом. в школу и безумно скучаем без него. Книжка моя (автобиография) выходит в будущем году. Обнимаю тебя!

В.

Об авторе: Татьяна Пономарева - научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом), руководитель программы "Набоковские чтения". Если можно дать ссылку программы: <http://nabokovreadings.ru/>

[русская литература в Швейцарии](#)

Source URL: <https://nashagazeta.ch/node/35130>